
Э. С. КУЛЬПИН

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ*

Чтобы извлекать из прошлого уроки, историческая наука должна идти на двух ногах: естественно-научной и гуманитарной, а изучение процессов должно стать главным в историческом анализе. Следует всегда помнить, что нарративные источники субъективны, и, чтобы получать достоверные данные, надо учитывать вероятность в истории, принцип дополнительности и эмпирического обобщения, ввести в ранг главных акторов природу, исследовать взаимодействия Человека и Природы, моделирование сделать инструментом исторического познания.

Назначение истории

По моему глубокому убеждению, на грани тысячелетий изучение и преподавание истории должно быть изменено. Не потому, что она до сих пор изучалась и преподавалась плохо, а потому что современная жизнь как в мире в целом, так и в нашей стране требует от нее иного. История как наука возникла тогда, когда человек впервые задумался над тем, что он есть. По Ясперсу, это произошло в «осевое» время, в I тысячелетии до н. э. С тех пор призванием истории было изучение общества по завету древних греков «познай самого себя», а назначением ее – изучая опыт прошлого, помогать человеку в настоящей жизни.

Познавать самого себя без ущерба для собственного существования можно в относительно спокойном внешнем окружении, но не тогда, когда возникает проблема жизни и смерти. Сейчас остро встала проблема физического выживания вида *Homo sapiens*. Прав ли был Архимед, продолжавший решение геометрических задач, когда над ним был занесен меч римского солдата? Не знаю. Но знаю, что учитель не может вести урок в горящей школе.

Следует ли из этого, что нужно отбросить весь старый опыт изучения истории, все веками накопленное богатство, созданное трудом великих мыслителей? Каждому поколению свойственно

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 07-06-00300.

думать, что оно умнее своих предшественников. Однако люди, жившие до нас, были отнюдь не глупее нас. Более того, в некоторые периоды исторического развития и в отдельных местах значительно умнее. Мы можем быть столь же умными, только опираясь на их опыт, на их знания. Весь вопрос в том, как это делать в современных условиях. Я полагаю, что традиционное изучение и преподавание истории, во-первых, должно быть непременно сохранено, но сегодня уже *не обязательно для всех*, и, во-вторых, изменение изучения и преподавания истории должно быть *постепенным*. В частности, за счет постепенного введения в систему образования новых исторических дисциплин, одной из которых, я надеюсь, станет социоестественная история (СЕИ). Ее значимость будет определяться тем, насколько она сможет опереться на традиционную историю и в то же время дать ответ на современные проблемы все усложняющейся жизни общества.

В нашей стране выбор дальнейшего пути развития специфически труден. Мы утратили старые представления о мире и о себе и не приобрели в законченном целостном виде новых. Поэтому история сегодня в России, потерявшей идеологию, призвана в какой-то мере выполнить функции религии.

Что может дать история, знание прошлого, чтобы люди могли жить в ладу с окружающим миром? Знание как негативных, так и позитивных прецедентов взаимоотношений человека и природы. История «знает» ответы если не на все, то на очень многие вопросы современности. Но «роковые письма» Истории нужно уметь прочесть, и умелое прочтение способно предотвратить многие беды.

В двух словах, прошлый мир Истории *мог* быть миром людей. Нынешний мир Истории *не может* быть миром *только человека*, но может быть миром одновременно Человека и Природы. И в прошлом реальный мир был миром взаимодействия (то есть действия с прямой и обратной связью) человека и природы. Взаимодействие, прежде всего или исключительно, имело место в производительной, хозяйственной деятельности и находило свое отражение в технике, технологии, экономике, финансах. В ходе исторического развития был накоплен огромный опыт такого взаимодействия – как позитивный, так и негативный. До сих пор Историей как наукой он в лучшем случае слабо раскрывался, в худшем – вовсе не замечался. А между тем эволюция общества, в том числе в ее политической и идеологической части, определялась характером взаимоотношений человека и природы – технологиями.

Человек есть часть системы «неживая природа – живая природа – общество». А если система едина, то у нее есть единые принципы и вытекающие из них законы, определяющие характер ее функционирования. Понять суть этих законов стало возможным в результате научных достижений нашего века. Осмысление достижений было осуществлено многими учеными, среди которых я хотел бы выделить Н. Н. Моисеева. Он предложил концепцию эволюции биосферы, функционирующую на основании принципов и законов, единых для природы и общества.

Ныне научить, как жить, чтобы выжить, могут те, кто знает, как устроена природа, – естественники, и те, кто знает, как устроено общество, – гуманитарии. В соответствии с современными знаниями, прежде всего общей теории систем и синергетики, необходимо заново пересмотреть историю, сохранив все, что достигнуто в ней до сих пор и добавив новое знание.

Согласно Моисееву, новое знание должно ныне концентрировать внимание на двух состояниях исторического процесса – кризиса и стабильности: социально-экологического кризиса (комплексного кризиса природы и общества – экологического, хозяйственного, экономического, социального, политического и идеологического) и относительной социально-экологической стабильности. Во время кризиса определяются основные параметры (условия) социально-экологической стабильности. Выявление этих различных в разных сферах жизни, но взаимосвязанных условий ныне, пожалуй, главная задача науки. Прямая и быстрая передача знаний из научных лабораторий студентам – главная задача современной школы.

История должна идти на двух ногах: естественно-научной и гуманитарной

В XX веке шел постепенный переход к расширению предмета Истории. История личностей (политическая, с элементами психологии) уступила место истории групп, дополнилась экономическими, потом хозяйственно-технологическими, социально-экономическими компонентами. Историки XIX–XX веков быстро шли к комплексному отображению действительности.

Это путь М. Вебера с его направленностью на выявление связей между идеологией и хозяйствованием, путь исторической школы «Анналов» с ее непременным использованием знаний естественных наук в историческом исследовании, с ее обращенностью к массовому человеку, к взаимодействию его с природой. Соответст-

венно методу этой школы современник задает вопросы предшественникам, прошлому.

Однако в ходе расширительного движения последователи школы «Анналов» расходились по новым отдельным дисциплинам. Комплексные исследования в целом стали редкими. Историки не смогли стать не только естественниками, но во многих случаях – социологами, экономистами. Это, на мой взгляд, главная причина кризиса школы «Анналов». Практически к настоящему времени История как наука не подверглась принципиальному пересмотру. Существует проблема пересмотра истории как науки и практически одновременного введения результатов пересмотра в преподавание. Однако разрешима ли она? Ответ даст жизнь. Сложность нового преподавания истории заключается в том, что исследование и преподавание должны не только опираться на представления, но и прямо использовать понятия, принципы и систему мышления естественных наук. Между тем эти принципы, представления и понятия создавались отнюдь не для нужд истории и должны пройти процесс адаптации для истории. Процесс будет, вероятно, не легким и не быстрым. Шагом в этом направлении и является курс социоестественной истории (см.: Кульпин 1990; 1993; 1995; 1996; Кульпин и др. 2005).

Изучение процессов – главное в истории

История исследует движение, т. е. процессы. Исследует их через вехи – события и явления, характеризующие процесс. Если главный объект – процессы, то необходимо не столько строгое и детальное изучение отдельных практически однотипных событий, что характерно для традиционной истории, сколько выделение общих черт однотипных событий.

Последовательный ряд однотипных событий – предмет изучения узких специалистов. Комплексное исследование дает большие результаты, поскольку длина ряда не так важна, как его характеристика, для понимания смысла истории. Главное – изучение неординарных, поворотных событий, бифуркаций.

Вне зависимости от длительности физического времени весомость в эволюции прямолинейного движения и изменения (повороты) этого движения одинакова. Вопросы к прошлому должны ставиться в очередности: сначала *что (что именно) происходит* (происходило), затем *как (каким образом) происходит* (происходило).

Сначала общий взгляд на процессы и поворотные моменты, и только затем в зависимости от степени необходимости – детализация.

Нарративные источники субъективны

Традиционная история, как правило или преимущественно, основана на письменных нарративных источниках. Они создаются людьми с определенными интересами и целями. Что-то в этих свидетельствах прошлого замалчивается, что-то выдумывается, а главное – дается субъективная значимость событий. Поэтому, когда такие источники редки и их нельзя перепроверить другими, их можно использовать лишь как иллюстрации к фактам, полученным иным путем, достоверность которых вне сомнений. Итак, если фактов нет, нет и истории, но если нет фактов в нарративных источниках, они могут быть получены иначе: традиционно – как результат археологических раскопок, менее традиционно – использованием данных истории природы (биоты, климата, геологии и др.), совсем нетрадиционно – совместным, комплексным использованием данных естественных и гуманитарных наук.

Вероятность и моделирование в истории

Традиционная история оперирует фактами. Само понятие факта подразумевает его достоверность. Факт либо есть, либо его нет. Так бывает в жизни, но не в науке. В науке вообще и в истории в частности есть факты, которые нам неизвестны, сведения о процессах, явлениях и событиях, достоверность которых сомнительна. Если история оперирует только фактами, достоверность которых вне сомнений, то она может быть очень бедной (например, в истории чжоуского Китая многие ученые считают единственно достоверным факт переноса столицы с запада на восток страны в 770 году до н. э.).

Из немногих достоверных фактов не создается целостной картины прошлого. А если историки принимают ряд недостаточно достоверных сведений за истинные факты, создается не реальная, а мифологическая история. Даже будучи созданной гениальным ученым, она остается его представлением, его версией прошлого, результатом его догадок, пусть даже гениальных, но вовсе не адекватной картиной действительности. В естественных науках такое представление также имеет место, но вовсе не претендует на истинность и называется моделью. Как ни трудно многим гуманита-

риям согласиться с подобным утверждением, практически во всех случаях, когда мы имеем дело с фактами и их интерпретацией в традиционной истории, перед нами вовсе не реальная жизнь прошлого, но лишь ее модель.

Приведу пример. До поездки в Грецию я, как и многие, был убежден, что Кносский дворец действительно был таким, каким мы его знаем со школы по иллюстрациям и описаниям. Лишь на Крите узнал, что реконструкция помещений, фресок основана не столько на действительных данных археологии, сколько на осмыслении их А. Д. Эвансом. Кнос наших представлений – это модель, созданная Эвансом. Лепорелло в пушкинском «Каменном госте» был убежден, что если его хозяин увидит только «маленькую пятку», воображение дорисует ему весь облик донны Анны. Так, в самом прямом смысле слова, были, к примеру, дорисованы многие фрески Кносса. То, что нынешний Кносс – лишь модель, созданная воображением ученого, удалось доказать итальянским археологам, работающим там последние три десятилетия прошлого века. Пусть ученый гениален, его представления – это *его* представления, а не действительность. Чтобы не превращать в сознании людей миф в реальность, при раскопках расположенного рядом с Кноссом Феста археологами на подобные реконструкции наложено вето.

Принцип дополнительности и эмпирического обобщения

Отдельный факт может быть сомнителен. В естественных науках возможность его использования появляется лишь с проверкой. Иными словами, в естественных науках *любой факт нуждается в комментариях*, т. е. в согласовании с другими фактами. Хорошо, когда такое согласование возможно. А если нет? Тогда положение может спасти массовость однотипных фактов. Когда мы имеем ряд однотипных фактов, вообще ряд фактов, «выпадение» (в том числе умышленное неиспользование) одного из них (того, который нельзя прокомментировать) не влияет на общий ход событий, на понимание смысла, «пружин» движения. В естественных науках не принято приводить все известные по данному поводу факты. Принято привести один и сказать: *«остальные подобны»* или *«нет фактов, свидетельствующих о противоположном»*. Если же такие факты есть, то их упоминание обязательно.

Если фактов мало, они могут быть «проверены» сведениями из других областей знаний. Нередко одного косвенного свидетельства недостаточно для вывода о высокой вероятности процесса, явления

или события. Новые косвенные свидетельства могут быть истолкованы по-разному, тогда высокую роль играет их совокупность. Необходимо «увидеть» и на конкретных фактах показать вероятность того или иного процесса, явления или события. Если нет стопроцентной уверенности (т. е. того, что по смыслу является фактом), можно и нужно говорить о низкой (< 50 %) вероятности, о вполне реальной возможности (50 %), высокой (> 50–80 %) вероятности. Конечно, при таком подходе мы будем иметь не яркую (как в мозаике, сложенной из отдельных ярких камней – фактов), а как бы смазанную импрессионистскую картину прошлого, но – достоверную. Как не может быть неизменной картина мира, созданная нашими знаниями, так и не может быть неизменной историческая панорама. Она может и должна меняться. Нет истины на все времена, но есть пути к приближению к ней. И лучше иметь размытую меняющуюся картину прошлого, но реальную, чем яркую, четкую, но мифологическую.

Познавая прошлое, мы строим модели, не более того

На это положение мне хотелось бы обратить особое внимание. Желательно, чтобы наши модели, версии исторических процессов как можно больше приближались к действительности. Ни один историк, если он осознает приблизительность знаний и честен, не станет утверждать, что владеет истиной в последней инстанции. Он обязан говорить, что может дать только то представление, которое *сейчас, в данное время* признается специалистами наиболее отвечающим действительности. Но *завтра* это представление будет иным. И остается только надеяться, что в главном оно останется неизменным, изменяясь лишь в деталях.

«Действующие лица» взаимодействия человека и природы

Поскольку социоестественная история (СЕИ) – история *взаимодействия человека и природы*, то конкретное рассмотрение должно отличаться от традиционного исторического. Если главным в нашем анализе является процесс *взаимодействия* природы и общества, то нужно четко выявить (взаимо)действующих «лиц» – представителей обеих сторон. Взаимодействие осуществляется главным образом в хозяйственной деятельности. Именно в ней проявляются прямая и обратная связи – необходимейшее условие взаимодействия.

Хозяйствуя, человек действует отнюдь не как экономический автомат (не случайно естественники называют экономику одной из самых неточных наук), человек действует в соответствии со своими представлениями о мире и о себе, моралью, нравственностью, системой ценностей. В соответствии со своим мировоззрением он создает технологии – своеобразные правила игры человека с природой. Техника и технология отнюдь не вне мировоззрения и политики. Напротив, и техника, и технология формируются в полном соответствии с мировоззрением, жизненными установками людей. Более того, техника и технологии позволяют выявить в мировоззрении больших групп людей те черты (составляющие элементы коллективного бессознательного, по К. Юнгу), которые не удастся выявить традиционным социальным, психологическим анализом. Таким образом, одной из важнейших задач СЕИ является выявление взаимосвязи между мировоззрением и технологией, а поскольку каналы эволюции для общества фиксируются системами ценностей, одно из главных направлений в СЕИ – моделирование систем ценностей для разных цивилизаций.

Главные «действующие лица» СЕИ – *хозяйствующий человек и вмещающий ландшафт* – сфера взаимодействия. Развитое, т. е. цивилизованное общество, имеющее достаточно сильные связи между людьми и большими группами людей, – *живой, целостный организм*. Так, в полном соответствии с общей теорией систем, и рассматривается общество в СЕИ.

Вмещающий ландшафт – часть природы, подвергнутая воздействию человека, т. е. уже не естественная, но антропогенная. Эта часть природы является, с одной стороны, сферой деятельности – жизненным пространством *человека хозяйствующего*, с другой – живым биологическим организмом.

Кризис и стабильность

Далее, раз для СЕИ важны два состояния – социально-экологического кризиса и социально-экологической стабильности, то необходимо прежде всего рассмотреть сущностные черты именно этих состояний. Вместе с тем необходимо учитывать, что значимость кризиса выше, чем стабильности. Во время комплексного кризиса общей системы «природа – общество» происходят структурные и функциональные изменения в системе. Они являются результатом процессов, протекающих как в природе, так и в обществе. В результате вырабатывается «формула» социально-экологи-

ческой стабильности, состоящая из компонентов, характеризующих отношения в природе, в обществе и между природой и обществом. Стабильность в открытых системах (а именно такими являются крупные человеческие сообщества) всегда относительна. Формула «модуса вивенди» природы и общества непрерывно изменяется, поскольку непрерывно изменяется либо природа, либо общество, либо вместе и то и другое. Со стороны человека основа взаимоотношений – сознательный или неосознанный, но всегда компромисс. Социально-экологическая стабильность – это динамичное равновесие внутри общества, в природе и между природой и обществом. Преодолев кризис, цивилизация выходит на новые «формулы» взаимоотношений человека и природы, на новый компромисс.

Природа – целостный живой организм – меняет некоторые свои параметры как вследствие заложенной в ней «генетической» программы развития, так и под воздействием общества. Специалисты-естественники, в том числе узкие специалисты, фиксируют эти изменения. Для социоестественного анализа нужно «знать довольно по латыни, чтоб эпитафы разбирать» – читать эту специальную литературу.

Именно во время кризиса формируются представления людей о мире и о себе, сердцевиной которого является система ценностей, идет сложный процесс установления основных параметров стабильного существования как природы, так и общества.

Кризис одновременно и природы, и общества является социально-экологическим. После его преодоления и природа, и общество становятся иными. Хотя насыщенность событиями кризисного периода может быть чрезвычайно большой, сам период с точки зрения физического времени всегда более краток, чем период стабильности. Нередко чрезвычайно краток, но оттого требует отнюдь не меньшего внимания.

Иными словами, мы не можем подчиняться диктату единиц времени неживой природы: суточному обращению Земли вокруг своей оси и годичным обращениям Земли вокруг Солнца, срокам жизни отдельных, даже выдающихся людей. Единицами измерения времени в СЕИ эпохи агротрадиционалистских обществ являются века – минимальный отрезок времени, в течение которого могут произойти глобальные процессы в природе, и демографические поколения, в которых сконцентрированы изменения взглядов отцов и детей – шаги эволюции общества.

Для нас периоды кризиса и стабильности по меньшей мере равноценны, несмотря на то, что кризис может протекать и сто лет, а стабильность устанавливаться на столетия или даже на одно-два тысячелетия. Следовательно, мы должны уделять равное, а не пропорциональное физическому времени внимание двум состояниям. В Китае период социально-экологической (но вовсе не политической и экономической) стабильности охватил два тысячелетия, а Япония, по сути дела, так и не познала на своем опыте, что такое социально-экологический кризис. На протяжении жизни народов, естественно, происходили события и в природе, и в обществе. Задача традиционной истории состоит в том, чтобы уделить должное (практически равное) внимание событиям в их хронологической последовательности и в этой последовательности «раздать всем сестрам (т. е. эпохам) по серьгам» («Король умер – да здравствует король!»). Задача же СЕИ в соответствии с основными принципами естественных наук – обратить внимание не на все события, факты истории, но на те из них, которые знаменуют поиск новых элементов структуры и функций двух организмов – природы и общества, а также нового характера взаимодействия между ними.

В ряде социоестественных исследований истории Европы, России, Китая и Японии «размеры» обоих действующих лиц были выявлены путем сопоставления скорости процессов, идущих в «организме» общества и «организме» природы. Со стороны общества это прежде всего *суперэтнос – группа этносов, объединенных не только общим Вмещающим Ландшафтом, но и общей судьбой*. Общая судьба этносов определяется общими представлениями о мире и о себе, ядром этих представлений – *системой основных ценностей*.

Цивилизация в понятиях СЕИ – процесс жизни суперэтноса

Основными представителями людей во взаимодействии Человека и Природы являются большие человеческие коллективы-организмы – суперэтносы, природы – также организмы (биоценозы), т. е. вмещающие ландшафты суперэтносов. Иными словами, Человек хозяйствующий представлен в СЕИ на уровне суперэтноса и этноса.

Социоестествовед опирается на представления о вещах, сложившихся в разных сферах знаний к текущему моменту. Относительно этих представлений между учеными нет полного согласия. Руководствуясь основополагающим для СЕИ принципом *научного*

консенсуса, мы должны положить в основу наших рассуждений то, с чем на *сегодняшний день* согласно подавляющее большинство специалистов в каждой из рассматриваемых научных дисциплин. Не исключая возможности того, что завтра экспертные суждения под влиянием новых открытий могут стать иными, даже принципиально иными. Любая научная монография и учебный курс могут ставить своей целью изложение только *современного* представления о затрагиваемых процессах, явлениях и событиях. Изложение же представлений, которые станут общепринятыми в будущем, – дело будущего.

Итак, с чем же согласно подавляющее большинство историков в начале XXI века? Прежде всего с тем, что *основы как западной, так и восточной культуры были заложены в I тысячелетии до н. э.* Это относится к языку, письменности, представлениям людей о мире и о себе.

Вместе с тем, будучи по основной специальности синологом, я вижу, что китайская культура отличается от европейской *поразительной стабильностью* своего основного ядра. Веками китайцы учились по книгам великих предков, живших в первом тысячелетии до н. э., и по последующим многовековым комментариям к этим книгам. И сегодня китайцы могут читать литературные произведения средневековых авторов почти так же (почти с тем же интересом), как и своих современников. Подобное немисливо для других цивилизаций. Во второй половине XX века в Китае проходила политическая кампания «пи Линь, пи Кун» («против Линь Бяо, против Конфуция»), в которой цитировались и сопоставлялись изречения Линя и Куна, но при этом Конфуций жил в середине I тысячелетия до н. э., а Линь Бяо – в конце II тысячелетия нашей эры. Представьте себе кампанию, цель которой – серьезное обсуждение разных сторон жизни современной России, направленную, к примеру, против А. И. Солженицына и против Бояна (автора «Слова о полку Игореве»). Кампанию, которая шла бы с аргументацией, сопровождающейся обильным приведением дискуссионных и злободневных цитат из «Слова о полку Игореве». Трудно. А ведь данных личностей разделяет срок более чем вдвое меньший, чем Линь Бяо и Конфуция.

Далее, все согласны, что границы китайского государства с тех пор, как они были обозначены завоеваниями Цинь Шихуана, практически оставались неизменными две тысячи лет, а вместе с ними не менялись границы расселения основной части ханьского населения. Лишь в XX веке ханьцы стали массово заселять нынешний Северо-Восточный Китай, Внутреннюю Монголию, Синьцзян и

Тибет. Иными словами, в течение более чем двух тысячелетий вмещающий ландшафт китайского суперэтнуса оставался неизменным. Европейские же империи за счет колоний «пульсировали» в огромном пространстве.

Практически все исследователи Китая отмечают *цикличность развития*, связанную со сменой династий. В начале каждой имел место подъем, в конце – упадок и гибель империи. При этом *не было катастрофы – гибели цивилизации**. В отличие от Китая, Европа в целом дает образец поступательного развития.

Сравнительное изучение историй Европы и Китая – один из многих примеров того, как комплексный подход помогает выявить причинную подоплеку событий. Задача социоестественной истории – осветить два главных состояния во взаимоотношении человека и природы: социально-экологические кризисы и относительную социально-экологическую стабильность. Сверхцель – выявить систему основных ценностей цивилизаций, увидеть ее трансформацию в контексте изменяющихся взаимоотношений человека и природы.

Литература

Кульпин, Э. С.

1990. *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.

1995. *Путь России*. М.: Московский лицей.

1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей.

Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М.

2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия.

Кульпин, Э. С., Пантин, В. И. 1993. *Решающий опыт*. М.: Московский лицей.

* В понятиях СЕИ катастрофа – процесс, в ходе которого организм гибнет, в отличие от кризиса, когда организм, обновленный, как после болезни, крепнет и здоровеет, у него повышается иммунитет к негативным воздействиям.